

В чернильной густоте чердака внезапно полыхнул желтоватый отблеск металла.

Молодой человек в белых одеждах прищурился, почуяв едва уловимый запах опасности. Для человека, живущего законами цзянху, подобное чутье — не дар, а условие выживания, острое и безошибочное.

Что это? Скрытое оружие или...

Сквозь оконный проем пробился луч утреннего света. Рассвет наступил вовремя, но если для других он был вестником жизни, то для него стал ледяной цепью в руках Хэбая и Учана — проводников в мир мертвых. Тело сковал холод, куда более лютый, чем в самую морозную зиму, когда даже дворовые коты жмутся к очагу.

Медная сеть неумолимо сжималась. Со всех сторон, без единого зазора, без шанса на лазейку.

Белоснежный мечник стиснул зубы. Страх отступил, уступив место горькому сожалению. Он криво усмехнулся: похоже, теперь ему не суждено вернуть должок тому коту — те несколько кувшинов вина так и останутся нераспитыми.

Завтра наступит, но рядом уже не будет «белой крысы», празднично шатающейся по пятам. Будет ли этот правильный до тошноты кот, которого он так любил доводить до багрового румянца, тосковать по ночам, глядя на далекую луну?

Кот и Мышь... Может, им и впрямь не стоило сходиться? Теперь это уже не важно.

В памяти вдруг всплыл нелепый случай. Пан Юй, никчемный сынок великого наставника Пана, в очередной раз попался на бесчинствах. Когда Кот в чиновничьем облачении прижал его к стене, перепуганный «Крабик» в ярости ткнул пальцем в сторону ухмыляющегося Бай Юйтана:

— Слушай, Чжань Чжао, этот твой Юйтан по мужикам больше, а я всего лишь девчонку приобнял!..

Тот ответил спокойно, даже бровью не повел:

— У брата Бая есть чувство меры, он не станет донимать честных юношей. Так что господин Хоу может быть спокоен.

Видя такую невозмутимость, Пан Юй обернулся к слуге и зашептал, впрочем, достаточно громко:

— Слышь, а говорят, Чжань Чжао без ума от Бай Юйтана... Чего ж он тогда такой холодный?

Всего одна фраза, а Защитник Чжань нахмурился, и Пятый господин Бай тогда подумал: «А ведь ему идет». Но на сердце сразу стало пусто.

Конечно, это были лишь слухи. Да, Императорский Кот и Парчовая Мышь ценили друг друга как герои героев, но не до такой же степени... Он и сам так считал. И все же было в этом что-то зыбкое. После тех слов он еще полмесяца демонстративно дулся на Кота.

Сейчас это казалось смешным. Наверное, слова Юнхоу Анлэ еще тогда пустили корни в его душе, дожидаясь часа, чтобы расцвести и принести плод. Просто его гордость никогда бы в этом не призналась. А теперь, когда он хотел бы сказать всё это в лицо, возможности не осталось.

Сеть была спроектирована дьявольски искусно: вогнутая структура лишала малейшей возможности применить силу изнутри. Даже он, Бай Юйтан, сумел лишь на несколько цуней отодвинуть медные путы, но они всё равно продолжали смыкаться.

Удаляя его от того, кто был дорог.

Что ж, смерти не избежать. Он коснулся груди, где лежал клятвенный свиток, и в голове мелькнула мысль сдаться. Единственное, что его теперь радовало — этому человеку больше не нужно входить в проклятую башню Чуньсяо.

Бай Юйтан опустил руки, убрал меч и закрыл глаза.

И в этот миг раздался звон, подобный реву дракона. Звук, который он узнал бы из тысячи. В голосе древнего сокровища, выходящего из ножен, только сейчас слышалась небывалая ярость.

Он вздрогнул и распахнул глаза. Прямо перед ним стоял человек, чье лицо, чистое и благородное, навсегда отпечаталось в его сердце.

Юйтан замер. Когда сознание вернулось к нему, он почувствовал лишь острую боль — давление сети было слишком велико. В воздухе медленно, словно умирающая бабочка, планировала прядь черных волос, отсеченная механизмом.

Чжань Чжао разрезал медь снаружи. И хотя Юйтану удалось спастись, близость ловушки не прошла бесследно — он был ранен.

Но он был жив.

Внезапно ему захотелось рассмеяться. Громко, безудержно, как в тот день на острове Сянькун, когда они впервые скрестили мечи и бились до изнеможения.

Чжань Чжао был рядом. Обернувшись, он едва заметно улыбнулся — в этой улыбке смешались облегчение, нежность и та изысканная грация, от которой у Юйтана темнело в глазах.

— Брат Бай, ты цел?

Юйтан хотел ответить, но Чжань Чжао, чей взгляд был подобен черному нефриту, внезапно напрягся. Он рванул Юйтана на себя с такой силой, что тот покачнулся, оказавшись за его спиной. В следующее мгновение воздух прорезал скрежет древнего сокровища о металл и яростный свист ветра.

От этого звука заломило в ушах.

Он хотел броситься на помощь, но услышал сдавленный стон и похолодел. Башня Чуньсяо была переполнена ловушками. Юйтан пробрался сюда лишь благодаря своим познаниям в механизмах — он верил, что найдет выход из любого лабиринта. Но для Чжань Чжао всё это было темным лесом.

Как он? Юйтан в отчаянии отбивался, стрела оцарапала плечо, разорвав белую ткань, но не задев плоть.

Кот оказался менее удачлив. Когда град стрел стих, Чжань Чжао пошатнулся, его шаги стали неверными, но он упрямо отказывался падать. Юйтан видел — силы его на исходе.

Он убрал меч и подхватил друга:

— Кот, держись. Клятвенный свиток у меня, уходим...

Договорить он не успел. В нос ударил едкий, удушливый запах гари. От густого дыма, ворвавшегося в легкие, Юйтан зашелся в кашле.

Откуда огонь?

Одного взгляда вниз хватило, чтобы понять. Сяньян-ван Чжао Цзюэ не собирался выпускать их живыми. Его жестокость не знала границ, а аура ядовитого книжника Фу Тунлиня гарантировала самый кровавый исход. Поджечь башню Чуньсяо было их последним, беспроигрышным ходом.

Силы оставляли его. Чжань Чжао был ранен стрелами, и кто знает, через что ему пришлось пройти, пробиваясь с первого этажа. Сам Юйтан тоже был измотан медной ловушкой. И всё же...

В его глазах вспыхнул решительный огонь. Он не собирался становиться «парой призрачных

неразлучников». Ему нужен был живой Чжань Чжао. И он сам — живой — рядом.

Уйти из горячей башни, скрывшись от тех, кто внизу умел лишь подбрасывать дрова в костер, было непросто, но возможно. Пока среди врагов нет мастеров его уровня.

Их побег завершился в маленьком постоялом дворе на окраине. Уложив Чжань Чжао на кровать, Юйтан еще долго приходил в себя.

В лучах восходящего солнца гордая Мышь, казалось, растворялась, превращаясь в последнюю искру уходящей ночи.

«Кот... я жив. И ты жив. Этого достаточно».

Он удовлетворенно улыбнулся, протянул руку и осторожно стер капли крови с подбородка спящего.

Сил больше не осталось. Он опустился на кровать рядом и закрыл глаза, но так и не смог выпустить чужую ладонь, сжав пальцы до белизны.

Как он мог отпустить это сокровище, это хрупкое счастье, которое чудом вырвал из лап смерти?

<http://bllate.org/book/17406/1649740>